

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С А. ХАММЕРОМ И Р. ГЕЙЛОМ

15 мая 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего хочу приветствовать вас обоих и выразить признательность за то, что вы делаете в этот трудный для нас час, когда нас постигла такая беда.

ХАММЕР. Вчера я слушал Ваше выступление по телевидению, а сегодня несколько раз прочитал его в переводе на английский язык. Оно произвело на меня огромное впечатление. Вы совершенно правильно сказали, что главный урок происшедшего заключается в том, что все люди повсюду в мире, и в том числе в США, должны еще лучше осознать, какую колоссальную угрозу для человечества представляет ядерная война, каким невыносимым бедствием она была бы, если даже такая сравнительно небольшая ядерная авария привела к столь многочисленным бедствиям.

Это еще раз подчеркивает необходимость улучшения отношений между СССР и США, проведения встречи на высшем уровне. Я понимаю, конечно, что время для такой встречи сейчас неподходящее, что атмосфера испорчена налетом на Ливию. Тем не менее я думаю, что обязательно надо провести встречу между Шульцем и Шеварднадзе.

Пусть они обсудят то, о чем Вы говорили вчера в своем выступлении. Пусть они обсудят и другие проблемы, в частности возможную повестку дня встречи на высшем уровне, которая могла бы состояться осенью, и что конкретно можно было бы на ней достичь. Я считаю, что инициатива такой встречи двух министров должна исходить от США, и попытаюсь добиться, чтобы Шульц предложил провести такую встречу.

Конечно, на первой встрече на высшем уровне не удалось добиться очень многого за исключением, пожалуй, соглашения о культурном обмене. Но, вернувшись из Женевы, Рейган был встречен в США самой большой за всю свою жизнь овацией. Ведь американский народ хочет мира, и с этим ничего не может поделать военно-промышленный комплекс. Теперь надо развить успех первой встречи на высшем уровне. Думаю, что следующую

встречу лучше всего было бы провести после выборов, чтобы она совпала с Днем благодарения. Это был бы самый подходящий момент – американцы могли бы считать этот день Днем благодарения за мир.

ГОРБАЧЕВ. Прежде чем я отреагирую на сказанное Вами, хочу еще раз выразить обоим вам нашу признательность. Действительно, по-человечески естественным было проявление сочувствия к попавшим в беду. А если есть возможность еще и сделать что-то, то это вдвойне ценнее.

Хочу показать вам письма и телеграммы, с которыми члены Политбюро ознакомились. Вот два письма из США, одно из них от старой женщины из Нью-Йорка, а другое – от американки, которая работает в ООН. Эти женщины вложили в свои письма одна 5 долларов, другая 10 долларов. Это очень трогательно. Они, наверное, тогда не знали, что нам решил помочь такой богатый человек, как господин Хаммер. Конечно, мы располагаем необходимыми средствами, но важно здесь само проявление сочувствия и стремление помочь.

Мы благодарны доктору Гейлу за те усилия, которые он прилагает для оказания помощи пострадавшим. Надеюсь, что Ваши усилия совместно с советскими врачами будут максимально успешными.

Вот действительно где надо действовать сообща, сотрудничать друг с другом: борьба с раком, радиология, борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями и другими болезнями. А вместо этого посмотрите, что происходит! Неужели две великие державы, два великих народа не в состоянии, наконец, сделать реальные шаги навстречу друг другу в интересах мира?

Глубоко разочарован реакцией американской администрации на происшедшее. Она заняла такую позицию, которую просто невозможно понять нормальному человеку. Чего только не наговорено! Сколько личных обвинений в адрес Горбачева – и что ему нельзя доверять, и что его инициативы теперь скомпрометированы... Больше того, просматривается стремление столкнуть наш народ с его руководителями. Я сказал вчера по

телевидению, как мы оцениваем подобную чепуху. Мы считаем, что все это безответственно и аморально. Советские люди оценили провокационные заявления Вашингтона как беспардонную наглость. Наш народ не отворачивается от своих руководителей в трудную минуту.

На этом фоне не могу не подчеркнуть, как высоко мы ценим проявление сочувствия и гуманности с Вашей стороны, господин Хаммер, и со стороны доктора Гейла.

Я уже выразил доктору Гейлу нашу благодарность, выступая вчера. Мы обязательно отметим усилия господина Хаммера в сообщении для печати об этой встрече. Мы, несомненно, найдем возможность отблагодарить – не только словами – врачей и всех тех, кто борется сейчас с последствиями аварии. Люди, которые сейчас работают в районе аварии, трудятся самоотверженно, ведут бой, как на фронте. Весь советский народ стремится что-то сделать для того, чтобы помочь справиться с ситуацией. Мы уверены, что справимся. Наши специалисты, наши ученые (а в этом деле без ученых не обойтись) делают очень многое. Они уже помогли ограничить масштабы аварии. Сейчас в ходе проводимых мероприятий накапливается огромный опыт, и делается, и будет сделано все, чтобы обеспечить консервацию реактора.

Теперь о вопросе, который Вы затронули. Я всегда подчеркиваю простые вещи, вещи, основанные на здравом смысле, которые должен понимать каждый. Поэтому я говорю: первая встреча на высшем уровне сама по себе имела большое значение уже потому, что подобных встреч не проводилось семь лет. Ее проведение породило надежду на то, что дела пойдут к лучшему. Таким образом, важен был сам факт встречи.

Но когда речь идет о следующей встрече в верхах, то возникает вопрос: каковы будут ее конкретные результаты, что мы с Президентом сможем сказать людям после ее проведения? Опять дело ограничится обменом мнениями? Не будет принято существенных решений, не будет согласовано практических шагов по выравниванию наших отношений, оздоровлению

международной обстановки? Не будут, наконец, решены хотя бы один-два конкретных вопроса, которые волнуют весь мир? Мы говорим об этом без всяких скрытых мотивов или подвохов.

И еще одно: для встречи, естественно, нужна надлежащая атмосфера.

Мы сказали американцам, какие вопросы считаем важными, о чем можно было бы договориться, а именно о запрещении всех ядерных испытаний и о ракетах средней дальности, по поводу чего мы внесли компромиссное предложение. Вот вещи, о которых можно было бы договориться, если приложить усилия и провести соответствующую подготовительную работу.

ХАММЕР. Я знаю об этом. Знаю и о том, что Вы предложили 50- процентное сокращение ядерных вооружений. Факт состоит в том, что сейчас на Земле есть только два человека, которые могут решить важные мировые вопросы, – это Вы и Рейган. Я знаю Рейгана еще со времен, когда он не был даже губернатором. Думаю, что Ваша встреча с ним была хорошим началом. По крайней мере, встретившись, Вы убедились в том, что он не лжет Вам, а он убедился в том, что Вы не лжете ему. Это начало на пути к доверию. А без доверия ничего не достигнешь.

Вокруг Рейгана много таких людей, как Уайнбергер, Перл и т. п. Они надеются, что отношения между СССР и США будут плохими. Что же касается самого Рейгана, то он знает, что ему не удастся войти в историю в качестве великого Президента, если он не установит мир с Россией. Он также знает, что ему не решить проблему огромного бюджетного дефицита, вызванного колоссальными финансовыми расходами, если он не добьется мирных отношений с Россией.

Меня очень обнадежило, когда состоялась договоренность о встрече Шульца с Шеварднадзе для обсуждения повестки дня предстоящей встречи в верхах. Конечно, я хорошо понимаю, почему после налета на Ливию Вам пришлось отменить эту встречу.

ГОРБАЧЕВ. Сейчас добавилась к этому еще злонамеренная антисоветская кампания, которая отравила атмосферу в отношениях между нашими двумя странами. Причем в ней приняли участие сам Президент и Шульц. Я теперь получаю письма от наших граждан, которые говорят, что мне не следует ехать в США.

ХАММЕР. Я думаю, что некоторые заявления были основаны на дезинформации. Люди были введены в заблуждение. Ваше вчерашнее выступление, как мне представляется, очистило атмосферу. Что касается Рейгана и Шульца, то дайте им еще один шанс. Надо договориться о проведении встречи, на которой были бы обсуждены вопросы, поднятые Вами вчера. Слишком многое поставлено на карту! С какой огромной угрозой сталкивается мир, если даже то, что произошло сейчас с одним реактором, вызвало такую огромную тревогу!

(В ходе беседы Хаммер затем вновь и вновь настаивал на встрече Шеварднадзе-Шульц. Как потом выяснилось, он имел на это прямое поручение от Пальмера, заместителя Шульца.)

ГОРБАЧЕВ. Откровенно говоря, я не знаю, когда нынешняя администрация, наконец, осознает все эти вещи, и сможет ли она их осознать вообще.

ХАММЕР. И все-таки дайте ей еще один шанс.

ГОРБАЧЕВ. Администрация, наверное, думает, что все, что она делает, ей сойдет с рук и что встреча на высшем уровне состоится, несмотря ни на что, потому что Горбачев заинтересован в ней.

Мы планировали поездку Шеварднадзе в США. Посол Добрынин ездил в США с моим конкретным поручением. А что получилось? В ответ на наши предложения Соединенные Штаты провели ядерный взрыв.

ХАММЕР. Вы хорошо однажды сказали, что в истории бывают случаи, когда возникает вопрос: хлопнуть дверью? Такой соблазн есть. Но надо чего-то добиться, когда на карту поставлено столь много. Надо дойти до людей, а не только до политиков. И я уверен, что когда Вы приедете в США, когда Вы

обратитесь к американскому народу по телевидению, то наш народ будет приветствовать Вас.

Может быть, урок Чернобыля открывает и уникальную возможность – возможность того, что американская администрация, наконец, проснется и осознает грозящую опасность.

ГОРБАЧЕВ. Я, конечно, согласен с Вами, что надо что-то сделать, чтобы изменить ситуацию. Последние события – авария «Чэлленджера» и другие аварии, связанные с ракетами, Чернобыль – дают пищу для размышлений весьма серьезных. Только подумать, что может произойти, если в космосе появятся целые эшелоны «Чэлленджеров», а к тому же и наши «античэлленджеры». Не понимать этого могут только обитатели сумасшедшего дома. Тем не менее, первую скрипку в США продолжают играть правые, милитаристские круги.

Я никогда не рисовал Америку лишь черной краской. Знаю, что среди американцев много людей, в том числе много политических деятелей, которые реалистически смотрят на вещи, и мы будем искать возможности для того, чтобы две великие державы – Советский Союз и США – смогли, наконец, двинуться навстречу друг другу в интересах общего мира.

ХАММЕР. Рейган, как ни странно, пользуется большой популярностью в стране, на его стороне 60-70 процентов американцев. С этим приходится считаться. Он обладает способностью повернуть американское общественное мнение. Но самое главное состоит в том, что, когда Рейган вернулся со встречи на высшем уровне, на его стороне было не 70, а 100 процентов американцев. Американский народ хочет мира, и правое крыло, которое кажется Вам наиболее влиятельным в США, ничего не могло с этим поделать. Правые аплодировали Рейгану вместе со всеми в сенате. И они также будут аплодировать, если Рейган и Горбачев договорятся о мире.

ГОРБАЧЕВ. Что ж, поживем – увидим. В принципе у нас есть приглашение от вашего Президента, но нужна соответствующая атмосфера, и

нужен предмет для встречи. Администрация же избегает определения предмета встречи, а сейчас к тому же отравлена атмосфера для ее проведения.

ХАММЕР. И все-таки дайте им еще один шанс.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что американская администрация явно переоценивает свои возможности. Встречу на высшем уровне нельзя провести по американскому сценарию или по советскому сценарию. Она должна произойти на общей платформе, устраивающей обе стороны, и принести пользу для всех.

ХАММЕР. Думаю, что именно Вы являетесь тем человеком, который в состоянии этого добиться. Я встречался со всеми руководителями вашей страны, начиная с Ленина, но за исключением Сталина, который мне не очень нравился, и считаю, что Вы в наибольшей степени воплощаете реализм и прагматизм. Уверен, что сейчас, когда Рейган хочет войти в историю как президент мира, у Вас существует уникальная, замечательная возможность добиться результатов.

ГОРБАЧЕВ. Повторяю, проживем – увидим.

Теперь я хотел бы спросить у доктора Р. Гейла, как обстоят дела у его пациентов?

ГЕЙЛ. Прежде всего хочу сказать, что советские врачи превосходно работают ради спасения пострадавших. Думаю, что в результате приложенных нами вместе усилий значительное число тяжелобольных удастся спасти. Я не политик, я врач и хотел бы как врач сказать одну вещь.

ГОРБАЧЕВ. Мне, правда, кажется, что в нынешних условиях трудно быть просто врачом.

ГЕЙЛ. Именно об этом я и хотел сказать. Вы говорили, что как политический деятель стараетесь подчеркивать простые истины. Думаю, что сейчас той простой истиной, которая стала так ясна после аварии, является то, сколь велики опасности, скрытые в ядерной энергии. Если даже при сравнительно ограниченной аварии мы убедились в том, что возможности медицины ограничены, то совершенно абсурдной фантазией являются

представления тех, кто думает о возможности медицинской помощи в случае ядерной войны. Думаю, что в этом заключается та ясная истина, которую должны понять люди и которая должна пересечь национальные границы. Поэтому черновильская авария представляет возможность, которой следует незамедлительно воспользоваться, чтобы люди во всем мире полностью и до конца осознали недопустимость ядерной войны.

ГОРБАЧЕВ. Спасибо за эти слова. Действительно, человек является самой большой ценностью, и в этом плане, видимо, нельзя даже говорить, что потери в результате аварии были ограниченными. В аварии автобуса или поезда может погибнуть больше людей. Но ведь бесценна каждая человеческая жизнь, и об этом мы ни на минуту не забываем.

Я согласен с тем, о чем Вы сказали. Мне кажется, что в нынешних условиях вполне естественно было бы принять наше предложение о том, чтобы мы с Президентом США встретились, пусть он скажет – где, с одной целью: договориться и дать инструкции нашим двум делегациям встретиться и выработать соглашение о полном запрещении ядерных испытаний. Это было бы прекрасным первоначальным шагом, и тогда путь к моему визиту в США был бы открыт.

ХАММЕР. К сожалению, администрация уже отвергла это предложение. Здесь, боюсь, ничего не получится, поэтому надо, наверное, искать какой-то другой подход. Я возлагаю надежды на встречу Шульца и Шеварднадзе. Пусть они хоть о чем-нибудь договорятся, и тогда Вы сможете встретиться с Рейганом наедине так же, как в Женеве, поговорить с ним без участия тех, кто постоянно нашептывает ему, что, дескать, русским нельзя верить. Уверен, что если Вы проведете несколько дней в Кэмп-Дэвиде, в таких беседах Вы сможете многого добиться.

ХАММЕР. (Уже по окончании беседы вдруг вернулся от двери и почти шепотом сказал.) Хочу Вас попросить найти какое-то решение вопроса о выезде евреев. Отпустите тех, кто хочет уехать. Они все равно никогда не станут хорошими гражданами. Эта проблема плохо сказывается на советско-

американских отношениях. Евреи в США занимают очень влиятельное положение. И они много могут напортить, но также и помочь.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, г-н Хаммер, Вы-то знаете, что мало где евреи живут так хорошо, как у нас. С этим вопросом не надо шутить. В русской истории было всякое, в том числе и гонения на евреев, погромы. А в Советской стране евреи и десятки других национальностей живут вместе, дружно и им не на что жаловаться. Наверно, Вам не приходило в голову, что бы случилось с Соединенными Штатами, если бы там жило столько национальностей, сколько у нас. **Те, кто поднимает шум по поводу бедственного положения советских евреев, заботятся не о них. Им нужно только одно – предлог, чтоб испортить отношения между нашими странами, подрывать возможность сотрудничества между СССР и США.**

ХАММЕР. Я поднял этот вопрос только потому, что его существование создает очень большие трудности в отношениях СССР и США. Но я, конечно, Вас хорошо понимаю.

Я хочу посвятить свою жизнь решению двух проблем: проблемы борьбы с раком и установлению мирных отношений между СССР и США. Думаю, что мы близки к решению первой проблемы. Но я сделаю все возможное для того, чтобы еще при моей жизни была решена и вторая проблема. Мы начали с культурных обменов. За ними должна идти торговля. Ведь Бенджамин Франклин говорил, что нация, которая торгует, редко воюет. И я уверен, что наши страны могут жить в мире друг с другом.

ГОРБАЧЕВ. Хочу искренне поблагодарить Вас за все, что Вы делаете, пожелать Вам счастливого пути домой и успехов в Ваших усилиях.